

ребенку расплакаться, и тотчасъ кто-либо изъ окружавшихъ протискивался и совалъ ему въ ручку бубликъ, кусокъ пирога или грошовый пряникъ, купленный тутъ же, у одной изъ торговыхъ, расположившихся съ своимъ не мудренымъ съѣстнымъ товаромъ не вдалекѣ отъ пристани.

— Эхъ ты, болѣзная! — раздался участливый голосъ старушки, которая подперевъ рукой щеку, долго разсматривала одну изъ женщинъ, возившуюся около трехъ ребятишекъ, сидѣвшихъ на двухъ большихъ мѣшкахъ, наполненныхъ разной рухлядью. — Съ тремя-то дѣтенками, столько тысячовъ верстъ, во всякую мокроту проѣхать, легкое ли дѣло, подумаешь!

Женщина тоскливо взглянула на говорившую большими влажными глазами и молча продолжала окутывать самого маленькаго изъ ребятъ.

— За мужемъ, што-ль, идешь-то? — продолжала допрашивать старуха.

— За мужемъ... — не охотно отвѣчала женщина, — смахнувъ набѣжавшую слезу, и какъ-то невольно взглянувъ на группу кандалныхъ арестантовъ, которая была окружена цѣпью конвойныхъ, отгонявшихъ всѣхъ, кто пробовалъ подойти поближе.

— Эй, вы, бабѣ! — раздалось съ пристани, — вали на баржу! Женщины съ дѣтьми зашевелились; толпа провожавшихъ и въ-вакъ загудѣла. Посыпались прощальныя привѣтствія и пожеланія. Женщины, съ грудными дѣтьми на рукахъ, первыми потянулись гуськомъ къ сходнѣ, положенной съ пристани на баржу. Старый унтеръ, со спискомъ въ рукахъ, началъ провѣрять входившихъ. Нѣкоторые изъ толпы несли за ними узлы и котомки и передавали ихъ черезъ бортъ, такъ какъ доступъ на баржу постороннимъ былъ строго воспрещенъ.

Кандалные арестанты присѣли, кто гдѣ стоялъ; только одинъ изъ нихъ высокій и стройный, несмотря на свой безобразный костюмъ изъ толстѣйшаго сѣраго и грубаго сукна, съ вставкой на спинѣ, остался на ногахъ. Онъ облокотился на деревянный брусъ, положенный на стойки около пристани, и безучастно смотрѣлъ на гудѣвшую толпу. Энергичное, красивое лицо его рѣзко отличалось отъ некрасивыхъ лицъ остальныхъ арестантовъ, которые какъ-то сторонились отъ этого товарища по несчастію.

Около того-же бруса стоялъ молодой человѣкъ въ щегольскомъ дорожномъ костюмѣ и съ любопытствомъ разглядывалъ новую и не виданную имъ картину. Замѣтивъ арестанта, онъ обратился къ нему:

— Скажите, много всѣхъ въ этой партіи?